

П л я т т в р о л и П л я т т а

О Ростиславе Яновиче Пляте писать трудно. Это не расхожая фраза. Слишком суровы условия, в которые он ставит человека, поздравляющего его с юбилеем. Ну, не любит он (а опыт у него есть) юбилей. Он любит самый обычный день жизни. Поэтому поздравлять его — дело суетное.

Я вам точно могу рассказать, что будет дальше. Увидит он эту статью и проворчит: «Так, понятно. Сейчас расскажет, что в детстве я не собирался быть артистом. Потом — о счастливой встрече с Завадским. Потом расскажет о моем выдающемся вкладе в искусство с легкими полунамеками на мои неудачи, в которых я, конечно же, не повинен. Потом я у него вздохну тоскливо по поводу роли современника. Потом для обаятельности расскажет о том, как я его приглашаю на «ведро кофе». И, конечно же, ввернет уморительную, как ему кажется, историю о его поздравительной телеграмме в мой адрес. Статью же начнет с фразы: «О Пляте писать трудно».

Вот и поздравляй такого юбиляра!

Как-то он мне сказал: «Я никогда не был официально общественным деятелем. Но меня всегда тянуло к обще-

ственной жизни». Иными словами, ему нужны и важны люди. Как-то он ухитрился сломать себе руку прямо во время спектакля (спектакль доиграл). На другой день я появился с сочувствиями, а он при полном параде — куда-то собирается. Оказывается, в театр: «У меня там кое-какие дела». А точнее, у него там чьи-то дела. Кому-то он нужен. Я понимаю, что при всеобщей любви Ростиславу Яновичу нетрудно что-то «заполучить» и для себя. А собственно, что ему нужно для себя? Интересная роль, чтобы ее играть, и простой, но элегантный костюм, чтобы в нем ходить.

Я редко встречал среди артистов столь неприхотливого лично к себе человека. И столь предупредительного к людям. Кому-то помочь — это его естественное состояние. И до чего же тихо он это делает. Артисты бывают склонны к экзальтации. А Ростислав Янович даже гневается как-то деликатно. Помню, он рассердился на одно влиятельное лицо, позволившее себе несправедливость. И какая-то наивная, но совершенно точная реакция на это: «Как он может так жить?!»

Несправедливость, пожалуй, наибольший враг Пляты. А ласка, одобренная иронией, — отточенное старинное оружие, — главный его помощник против зла. Задумайтесь, почему Ростислав Янович — неперенный участник «капустников» или телепередач, посвященных его коллегам? Да потому, что мало кто умеет так сказать доброе слово человеку, мало кто умеет так облекать это слово в добрый юмор... не без сентиментальности. Только Пляту о его сентиментальности даже и не намекайте. Рассердится. Он

абсолютно уверен, что является собой сугубо ироничного, язвительного человека. А сам всю жизнь мечтает сыграть Дон Кихота. Представляете, каких два ужасно «схидных» человека встретятся!

В общении с актерами есть одна «заковыка». Они каждый вечер играют для тебя какого-то другого персонажа. И ты веришь. Так что стоит актеру какие-то два часа побыть для тебя некой замечательной личностью? И не играет ли Ростислав Янович Плята роль Пляты? Уверю вас, — да. Но посмотрите, кого он «играет», — талантливого, умного, доброго, чрезвычайно деликатного человека. А разве любой из нас не играет роль, доверенную ему судьбой? Разве жизнь не состоит в том, чтобы требовать от себя высоких поступков и подавлять в себе дурные? Есть такая присказка: в действительности все происходит не так, как на самом деле. К Пляту это не относится. Как-то у него спросили: «От какой роли вы получили наибольшее удовольствие?» Ростислав Янович было поморщился на «картонность» вопроса, но тут же расхохотался: «Конечно же, от роли самого себя!» Плята — его лучшая «роль», и исполняет он ее безукоризненно. И именно ей он обязан успехами в других ролях.

Да, это так. Помните пастора в «Семнадцати мгновениях весны»? Когда я смотрел этот фильм, со мной произошло нечто мучительное. Я совершенно не воспринимал этого человека как персонаж, как некоего пастора. Передо мной был мой дорогой Ростислав Янович в смертельной опасности, в жертвенности ради близких. Пожалуй, никогда больше искусство не рождало во

мне такого личного, буквального ужаса. Я был на грани состояния мальчишки, который из кинозала предупреждает Чапаева о смертельной опасности. Роль перестала быть ролью. Актер предложил всего себя. Произошло совпадение.

Но коль скоро мы пришли к такому наблюдению, то как же быть с полчищами ничтожеств, которых нам «подарил» Плята? Здесь что, тоже «совпадение»? На это Ростислав Янович, не склонный к самообольщению, сказал бы: «Ну, в каждом из нас есть кое-что ненужное». Не без того, знаем по себе лично. Но как мог сдержанный эlegantный Ростислав Янович претвориться, скажем, в вихляющегося идиота Бубенцова в кинофильме «Весна»? Меня, признаться, это до сих пор немного корбит. Вот такой я впечатлительный.

И вы знаете, и в этой роли Плята присутствует во весь свой огромный (во всех отношениях) рост. Вы, конечно, видели театр марионеток. Так вот иной раз Плята мне напоминает мудрого мастера из этого театра. Бубенцов и иже с ним — словно марионетки в руках Пляты, которых он заставляет быть откровенными в своем безобразии, которых он наблюдает и исследует со стороны своим умным, прищуренным глазом. Плята и здесь в роли Пляты, которому любопытен обалдуй Бубенцов. Но это не праздное любопытство. Он начинает нас ненавистью к таким типам. Это полезная ненависть.

Неплохой у меня получился образ марионеток. Такой выразительный, простой, убедительный. Только стройность его нарушается одной озадачивающей способно-

стью Ростислава Яновича. Был у него яркий, но жуткий персонаж — фон Ранкен в «Днях жизни». На мой вопрос: «Вы его, наверное, ненавидите?», Плята воскликнул: «Что вы! Я его обожаю!» Спешу спасти нравственную репутацию Ростислава Яновича. Роль эта долго не давалась артисту. Даже опытному таланту нелегко проникнуться симпатией к такой пакости, как фон Ранкен. Баснословно избалованный успехами Плята не может справиться с ролью? И «вдруг» Ранкен «пошел»: и голос, и костюм, и повадки. И каждая встреча с ним стала торжеством Пляты и над фон Ранкеном, и над самим собой. Ну, можно ли ему не «обожать» фон Ранкена?

Но и это лишь частный случай в решаемой Плятом проблеме: творец и его грешнопрославленный персонаж. Мы ведь несколько перекармлины диетическим разделением персонажей на плохих и хороших. И если уж плохой, то такой плохой, что рядом с ним быть хорошим ничего и не стоит. И по этой инерции, например, насчет Яго колебаний вроде и быть не может. А вы послушайте, как нам усложняет жизнь Плята: «Но если я, актер, сегодня вечером, скажем, Яго, и мне удалось в репетициях овладеть внутренним миром роди и быть в ней живым, то на спектакле я яростно бьюсь, борюсь за свою правоту, только действия Яго я считаю разумными, и пафос роли для меня в том, что сегодня прав я, я — и никто другой!»

Можете себе представить, как я растерялся перед этим натиском Ростислава Яновича. Расстались мы тихо, смиренно. И я ушел думать. Трудно было расщепить «я» — Пляты и Яго. А потом понял, что не надо рас-

щеплять. Яго был уверен, что прав, что отстаивает свою справедливость. И не будь его уверенности, Отелло мог бы превратиться просто в домашнего тирана. Именно благодаря Яго муки заглавного героя поднимаются до трагедии. А не до супружеской склоки по поводу платочка. Потому-то и должно, по Пляту, играть именно уверенного в своей справедливости Яго. И только тогда вздыбятся шекспировские колоссы и произойдет землетрясение ада. И не будем бояться, что кому-то из зрителей Яго покажется добрым молодцем, — Шекспир того не позволит. А Плята пусть играет уязвленного в своей справедливости Яго. И в том будет его правота, основанная на мудрости.

Это так естественно, когда успех является результатом мудрости. А вот часто ли крах вызывает к жизни мудрость? У Ростислава Яновича было по меньшей мере три могучих провала — Болинброк в «Стакане воды», Скалозуб в «Горе от ума», Вольтере в «Мое». Плята промахнулся крупно, с размахом, бессильно. Сам измытарился и зрителей помучил. Собственно, крупные провалы бывают только у крупных актеров. Ни о чем так тщательно не говорил со мной Ростислав Янович, как именно об этих трех своих катастрофах. Это был самоанализ высочайшего уровня и чудовищной беспощадности. Я редко встречал людей, которые так скрупулезно анатомировали бы свою вину. А в конце разговора Ростислав Янович «успокоил»: «Не подумайте, что у меня было всего три провала, окруженных шедеврами. Нет, конечно. Просто я выбрал для вас самые вопиющие». Вот и посудите — легко ли писать о Пляте, когда

да он опережает самые жесткие твои претензии?

О провалах забывать не надо, но результат — в победе. Конечно, дуэт Раневская — Плята в «Дальше — тишина» — одна из вершин советского театра. Исстрадался я на этой «вершине» и плакал, и было мне не до неловкости перед зрителями в соседних креслах. И хорошо мне было за себя, что могу так горестно разделять судьбу других людей. И в том победа актеров, их воспомоществование моей душе.

Но давайте о юморе. «Я всерьез считаю, что человек, лишенный чувства юмора, — опасный человек», — так сказал очень «безопасный» в этом смысле Плята. Могу себе представить, сколько наслаждения получил Ростислав Янович, исполняя роль Бернарда Шоу. Конечно, в порядке эксперимента на эту роль можно подобрать и другого актера. Но Плята — Шоу «без эксперимента» — просто Шоу. Служитель в доме писателя даже подвопил Ростислава Яновича к какой-то зарубке, чтобы убедить всех, что они и роста одинакового. Впрочем, есть и более авторитетное свидетельство. Сам «прототип» заявил, что Шоу в исполнении Пляты ему нравится неизмеримо больше настоящего Шоу. Оценим любезность язвительного ирландца, который отдает должное Пляту, не снисходящему до злого юмора. Хорошо это или плохо, но он всегда добр. Славно сказал Евгений Александрович Евстигнеев о Пляте: «Я всегда считал, что хороший актер должен быть хорошим человеком». Это верно — должен.

А еще он должен быть чист — перед зрителем и перед собой. Меня уже несколько утомили актеры, которые ломаются в художест-

венные руководители, в режиссеры, в профессора вузов. Плята ни разу не позволил себе изменить своему предназначению — быть Актером. «Моя кафедра — сцена, пытаюсь доказать свою правоту ролями». И вот на эту «попытку» он положил всю свою жизнь. Никогда не забуду самую суровую фразу в наших разговорах: «Растет чувство ответственности за содеянное». Ох, как много вложено в это слово — «содеянное»! Какой счет! Живу, тружусь, за все в ответе лично.

В день еще 70-летия Ростислава Яновича я был в Гомеле. Отправился на почту с веселой телеграммой: «От Пляты до смешного — один шаг. Граф Гомельтон». Пожилая телеграфистка в Гомеле исполнилась: «Я эту телеграмму не пошлю. Я ее не понимаю». Мой злодейский шепот «Шифровка!» только усугубил панику. А когда наступила ясность, она вдруг сказала поразительную фразу: «Я очень бы хотела, чтобы мои дети были похожи на Пляты».

И я понимаю эту пожилую женщину. Ростислав Янович воплотил в себе для всех настип превосходного человека. Благородство в превосходной степени — ум, доброта и щедрость. Из мальчишки ростовского Богатынского переулка вырос достойный человек. Как это просто и высоко — достойный человек. И тем жестче звучит в устах доброго человека его любимая фраза Александра Блока: «Не надо называть искусством то, что зовется иначе».

...Да, а когда же про юбилей? Ростислав Янович сыграл более двухсот ролей в театре и более сорока — в кино. Спасибо, Ростислав Янович. Впрочем, не преувеличиваем ли мы насчет юбилея? Не такая уж круглая дата — 75 лет. Круглая дата — это 100 лет. Вот тогда и поговорим.

Э. ГРАФОВ.

13 DEK 1983

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва